

С. С. ГРОМЕКА — ГЕРЦЕНУ

Публикация Е. Л. Рудницкой

Имя Степана Степановича *Громеки* (1823—1877) в конце пятидесятых — начале шестидесятых годов было хорошо известно в русских литературно-общественных кругах. В прошлом жандармский офицер, Громека в начале царствования Александра II вышел в отставку и занялся журналистикой. Подобно многим другим, Громека был подхвачен волной либеральной оппозиции к существовавшему политическому режиму, которая была одним из проявлений нараставшей в стране революционной ситуации. Его деятельность как публициста была проникнута духом либерального обличительства.

Первые же выступления Громеки в 1857—1858 гг. на страницах «Русского вестника» с серией разоблачительных статей о полиции привлекли к себе внимание общественности уже самой необычностью этой темы для русской печати. К 1858 г. относится первое и единственное выступление Громеки в «Современнике». Его статья в № 7 «Современника» — «Польские евреи» вызвала журнальную полемику и в результате — полный разрыв Громеки с «Современником». Добролюбов в своей статье «Торжество благонамеренности, или обвиненный „Современник“ и оправданный г. Громека в деле о неуважении еврейской народности» («Современник», 1858, № 10) резко высмеял претензии Громеки на роль защитника прав еврейского народа (см. об этом в «Лит. наследстве», т. 51-52, 1949, стр. 228).

В 1859 г. Громека поступил на службу в «Русское общество пароходства и торговли» и переехал в Одессу, где помещалось правление этого акционерного общества. Здесь с января 1860 г. под его редакцией начал выходить «Листок» этого общества. Громека выступал в редактировавшейся им газете поборником «законности» и гласности в коммерческих делах, пропагандировал идеи «свободного» буржуазного предпринимательства. С 1861 г. статьи Громеки опять появляются в столичных журналах и газетах. Он перенес теперь свою деятельность главным образом в «Отечественные записки» Краевского, где вел отдел «Современной хроники». В то же время Громека стал чиновником Министерства внутренних дел. 7 марта 1861 г. он был зачислен на должность начальника отделения департамента общих дел, возглавлявшегося в то время графом П. А. Шуваловым, будущим управляющим III Отделения.

Первое из четырех публикуемых писем относится к одесскому периоду жизни Громеки, остальные написаны в апреле—мае 1861 г., т. е. в первые месяцы его службы в Министерстве внутренних дел. Эти письма составляют лишь случайно сохранившуюся часть вероятно обширной переписки Громеки с Герценом. Между первым и вторым публикуемыми письмами — перерыв почти в полтора года, в течение которого связь Громеки с Герценом не прекращалась. В период 1859—1861 гг. Громека был одним из весьма активных и хорошо осведомленных корреспондентов Герцена. Пользуясь своим широким знакомством в кругах литературных и чиновно-бюрократических, а позднее используя непосредственно свое служебное положение крупного чиновника Министерства внутренних дел, Громека имел возможность снабжать Герцена авторитетной информацией, содержавшей немало фактов, обличавших государственный аппарат самодержавия и политический быт правящих кругов.

Живя в Одессе, Громека систематически информировал Герцена о действиях новороссийского и бессарабского генерал-губернатора графа А. Г. Строганова.

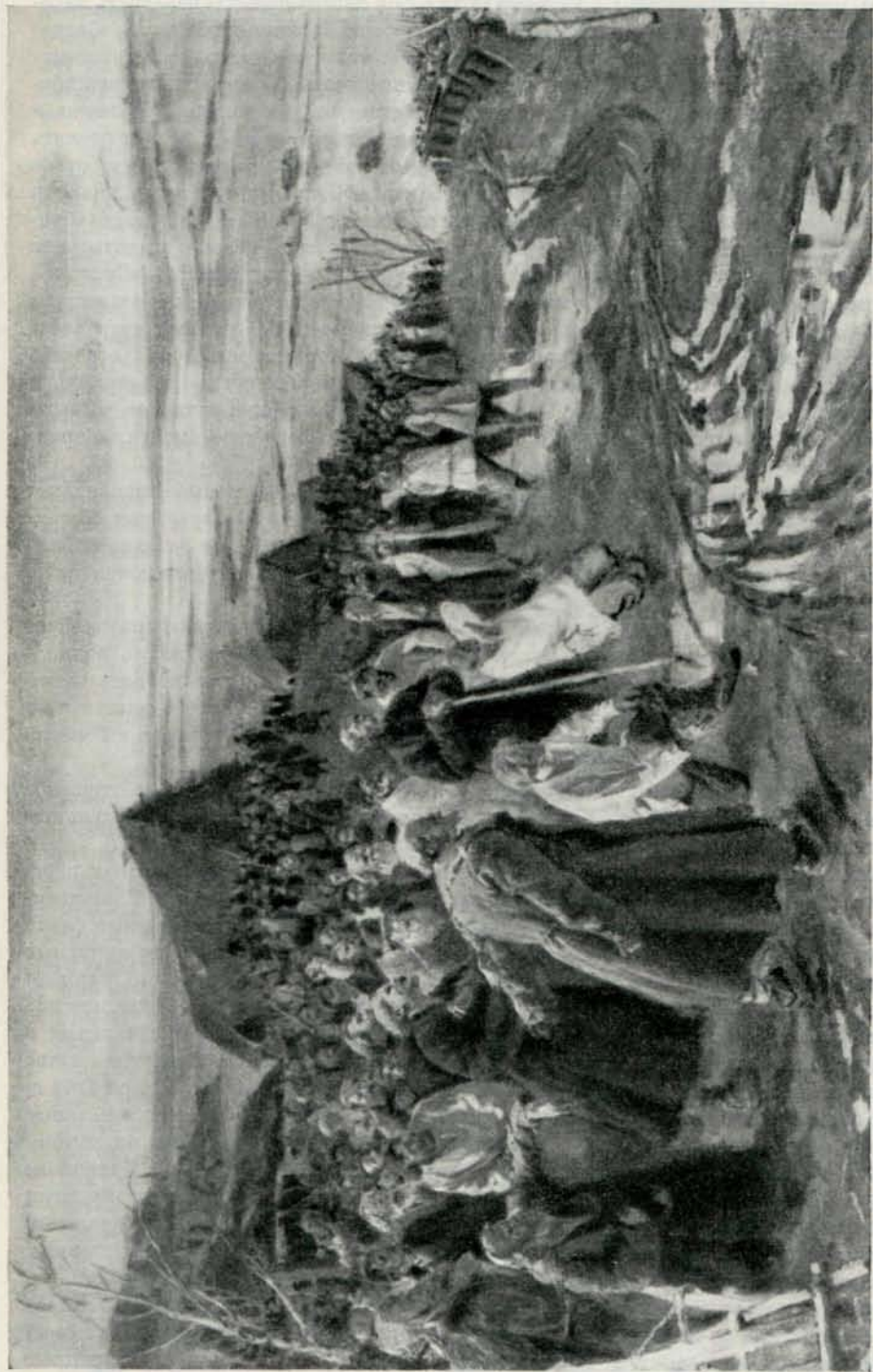
Информация Громеки давала Герцену материал для разоблачения в «Колоколе» ретроградной политики и чудовищных злоупотреблений высшей царской администрации, для разоблачения закулисных интриг, разыгрывавшихся вокруг готовившейся реформы. Собственная позиция Громеки в этом решающем вопросе политической жизни того времени выражена им в отзыве о Ю. Ф. Самарине как о деятеле крестьянской реформы. «Славный барин: дай бог ему побольше сил; я на него более всего надеюсь» (см. письмо от 11 декабря 1859 г.). В идейной эволюции Громеки отчетливо выражен процесс укрепления политических связей русского буржуазного и помещичьего либерализма со славянофильством. В письме к Ивану Аксакову, написанном незадолго до смерти, Громека восторженно приветствовал его политическую деятельность, подчеркивая при этом, что славянофилы, все политические убеждения которых заключались, по его собственному выражению, «в трех словах: самодержавие, православие, народность», «вынесли на плечах своих святу ю Русь из крепостного омута и поставили ее лицом к лицу с ее великой исторической задачей» (ГПБ, бумаги И. С. Аксакова, 13/123). Те элементы «западничества», которые проскальзывают в публикуемых письмах Громеки, например, упрек Герцену за суровую критику «западной науки», т. е. буржуазной цивилизации, отстаивание буржуазной свободы личности, — без следа испарились, уступив место оголтелому шовинизму.

Либерализм Громеки, выраженный в публикуемых письмах в резкой критике правительственной политики, в изъятии горячего сочувствия к деятельности Герцена, носил с самого начала монархический характер. Громека был далек от какой-либо критики самодержавия в целом. Цель его была совсем иной: он старался использовать «Колокол» для «улучшения» самодержавия. Для этого Громека усиленно привлекал внимание Герцена к обличительным фактам. Здесь и коммерческая афера петербургского генерал-губернатора Игнатьева, и подвиги коломенского предводителя Скорнякова, и незаконные действия виленского генерал-губернатора Назимова, санкционированные царем, и т. п. Призывая Герцена «отделать» наиболее отъявленных реакционеров — «этих графов Шуваловых, князей Паскевичевых, Тимашевых и всех флигель-адъютантов николаевского времени», Громека в то же время просит его побережь тех, на кого возлагает некоторые надежды либеральный лагерь, как, например, кандидата в управляющие III Отделением графа П. А. Шувалова. Написанное Громекой от имени Шувалова письмо к шефу жандармов кн. Долгорукову об уничтожении тайной полиции говорит о том, что Громека был в это время сторонником преобразований, которые должны превратить Россию в буржуазную монархию. Письмо было предназначено для передачи царю.

Громека восторженно приветствовал манифест об «освобождении» крестьян статьей в «Отечественных записках» под названием «Современная радость России». И в публикуемом письме к Герцену он заявляет, что «крестьянский вопрос окончился с честью для правительства», а ответственность за тот кровавый разгул, который последовал за объявлением Положений, несут «аристократы, снова завладевшие умом и волею слепого барина», т. е. царя.

Однако многочисленные и разнообразные факты, сообщавшиеся Громекой Герцену, получали в «Колоколе» совсем иное звучание, приобретали характер обвинительного акта против политической системы самодержавно-помещичьего строя. Так, знаменитая передовая статья «Колокола» от 15 мая 1861 г. «Русская кровь льется!», где Герцен целиком привел ту часть письма Громеки от 18 апреля 1861 г., в которой он сообщал о кровавом подавлении безденского восстания, звучит как беспощадное разоблачение царизма и призыв к революционной борьбе.

С наибольшей отчетливостью подлинные политические симпатии Громеки обнаружены им при характеристике русской общественной жизни и оценке ее политических лидеров. Переход Каткова с либеральных позиций на реакционные, наметившийся к 1861 г., еще несколько смущал Громеку, что не мешало ему, однако, выступать с ним единым фронтом против революционно-демократической журналистики. Прочно закрепившийся в «Отечественных записках» Краевского Громека вел оттуда ожесточенную борьбу с «несимпатичным» для него «Современником», в первую очередь с идейным руководителем журнала — Чернышевским.

ВОССТАНИЕ В СЕЛЕ БЕЗДНА

Картина маслом Е. Н. Сапро и Д. Э. Виницкого, 1951 г.
Литературный музей, Москва

Наивно-обывательская критика Громекой «теории разумного эгоизма» Чернышевского (см. письмо от 20 мая 1861 г.) скрывала за собой непримиримую ненависть либерала ко всему революционно-демократическому лагерю, возглавлявшемуся «Современником». «Современник» зло высмеивал Громеку с самого начала его журналистской деятельности, справедливо видя в нем ярко выраженного представителя либерального обличительства. Начиная с первого неудачного выступления Громеки в «Современнике» в 1858 г., Добролюбов пользовался каждым случаем, чтобы осмеять Громеку, который стал постоянным объектом сатирической критики «Свистка» в борьбе с либеральной журналистикой. Об «адской силе» статей Громеки по поводу полиции иронически писал Добролюбов в своем пародийном стихотворении «Наш демон» («Свисток», № 2 в апрельской книжке «Современника» за 1859 г.). Некрасов в стихотворном предисловии к циклу статей «Что подделывает наша внутренняя гласность» («Свисток», № 6 в декабрьской книжке «Современника» за 1860 г.) иронизировал над «деятелем» прогресса Громекой, который «заметно двинул нас вперед». Но главный удар нанес Громеке Чернышевский. В «Полемических красотах» Чернышевский дал отповедь Громеке за его клеветнические выступления против «Современника» на страницах «Отечественных записок». В статьях 1861 г. «Новые периодические издания», «Опыты открытий и изобретений» Чернышевский вскользь, но уничтожающе высмеял «борца» за гласность и прогресс — «пламенного г. Громеку».

Симпатии Громеки на стороне таких деятелей, как буржуазный националист Костомаров и либерал Кавелин. Громека считал, что если бы не случайные обстоятельства, заставившие Костомарова и Кавелина отойти на время от активной общественной деятельности, им могла бы по праву принадлежать руководящая роль в политической жизни.

Все свои надежды Громека, по его словам, возлагал на Герцена как признанного руководителя русского общества. Громека, как и другие либералы до их полного разрыва с Герценом, видел его главное значение — в силе влияния на правительство, в обличении наиболее вопиющих проявлений политического деспотизма и социального гнета. Но это не исключало стремления либералов использовать авторитет Герцена в своей борьбе против революционно-демократического лагеря.

Громека пытался представить Герцену как «литературные дразги» то глубокое идейное размежевание, которое происходило в русской журналистике в результате нараставшей в стране крестьянской революции.

Публикуемыми четырьмя письмами Громеки, ограничивается известная нам переписка его с Герценом. Ни одно письмо Герцена к Громеке до нас не дошло. Единственное указание на отношение Герцена к Громеке в этот период, кроме самого факта использования в «Колоколе» почти всех сведений, содержащихся в публикуемых письмах, мы находим в письме Н. В. Альбертини к Громеке из Лондона от 16/4 апреля 1862 г. К этому времени либерализм Громеки почти полностью иссяк. Политические события русской жизни толкали его все более вправо. Продолжая печататься в «Отечественных записках», он начал в 1862 г. переговоры с Катковым о сотрудничестве в «Московских ведомостях», которые должны были перейти к Каткову с января 1863 г. Герцен, относившийся до этого времени к Громеке как к полезному и добросовестному информатору «Колокола», усмотрел в этих переговорах доказательство отсутствия у Громеки «политического чутья и политической честности». Переговоры с Катковым, хотя и не увенчавшиеся успехом, знаменовали начало открытого перехода Громеки в лагерь реакции. Уже в том же году Громека одним из первых в русской либеральной журналистике начал ожесточенный поход против «Колокола». В № 5 «Отечественных записок» за 1862 г. появилась статья Громеки «Аннопольское дело», в которой он опровергал материал, помещенный под этим же заголовком в л. 13 приложения к «Колоколу» — «Под суд!» от 22 апреля 1862 г. В то же время Громека успешно делал свою бюрократическую карьеру как ответственный чиновник Министерства внутренних дел. В 1863 г., в разгар польского восстания, он выдвигается в качестве одного из ближайших сотрудников статс-секретаря по польским делам Н. А. Милютина. Политическое разоблачение Громеки Герцен дал впервые в «Письмах к будущему другу» (1864), где поставил его в один ряд с Аскоchenским и Катковым. Однако в эти годы

новый этап административной деятельности Громеки только начинался. Отличившись как председатель комиссии по крестьянским делам в одной из губерний Привислинского края, Громека становится крупным государственным чиновником — более десяти лет он был губернатором Седлецкой губернии (вышел в отставку незадолго до своей смерти, в 1877 г.). На посту седлецкого губернатора Громека получил широкую известность как беспощадный руссификатор, расстреливавший и разорявший население, «воссоединявший» крестьян-униатов с православною церковью. За эту «безустанную, деятельнейшую борьбу... по униатскому делу», как говорил о своей деятельности Громека, он получил чин тайного советника и денежную награду от царя. «Подвиги» Громеки были отмечены и Герценом. В № 9 «Kolokol'a» от 15 июня 1868 г. (XX, 376) Герцен поместил заметку «Groméka le persécuteur, Groméka l'ortodoxe et furieux bysantin» («Громека преследователь, Громека правоверный и яростный византиец»), которая подводила итог политической биографии одного из так называемых «деятелей прогресса».

Публикуемые письма С. С. Громеки к Герцену были с купюрами и искажениями напечатаны М. П. Драгомановым в 1883 г. в женевском «Вольном слове» (№ 57). Публикацией этой тенденциозно воспользовался сотрудник «Русского вестника» — агент правительства и Священной дружины А. П. Мальшинский в статье «Герцен и его корреспонденты» для дискредитации помещавшихся в «Колоколе» материалов («Русский вестник», 1889, № 5, подпись: А. М—ский). В настоящем издании письма Громеки к Герцену впервые публикуются полностью.

Письма печатаются по автографам «пражской коллекции» (ЦГАОР, ф. 5770, оп. 1, ед. хр. 81).

1

11 декабря (1859 г.) Одесса

Высокоуважаемый Александр Иванович!

Письмо ваше вместе с припиской Николая Платоновича ¹ было для меня таким подарком, ценность которого в моих глазах не имеет пределов. Хотя все, что вы оба пишете обо мне, я не могу принять иначе, как за любезный комплимент, но в громоносных устах ваших комплимент — вещь невыразимо приятная. Я давно слышал от людей, лично вас знающих, о вашем добром, русском радушии, но не смел ожидать, чтобы оно простерлось на меня в такой степени. Мне даже совестно, что вы меня, рекрута на той службе, на которой вы так давно служите полководцем, — чувствуете ни за что, ни про что. О, если б я мог сделать под вашим знаменем несколько походов и побывать в открытом, честном бою, — но когда это будет и дождемся ли мы этого времени? Вот, говорят, Модест Андреевич делается с нового года министром цензуры — какой огромный шаг вперед ².

Я очень благодарен вам за то, что вы не напечатали переписки моей со студентами ³, хотя, признаюсь, история эта так мне надоела, что я сам, если б мог, не удержался бы, вероятно, от того, чтобы ее не напечатать. Но что всего забавнее, наши российские власти опрокинулись на меня не хуже одесских студентов и, придравшись к этой истории, отказали мне в просьбе издавать политическую газету ⁴ и даже хотели взять назад позволение на издание коммерческой газеты Общества пароходства и торговли ⁵. Но, как бы то ни было, жертва, принесенная мною одесскому юношеству, кажется, не пропала даром. (Жертвой я разумею неудовольствие студентов, между которыми я был до тех пор любим.) Студенты, кажется, серьезно оглянулись на самих себя, особенно после вашего воззвания, исполненного такой теплоты и силы ⁶. Некоторые из студентов стали горячо взывать к товарищам, что (надо) приняться за дело и науку.

О гнусной брошюре Елагина слышал, но еще не успел прочитать⁷. А читали ль вы письмо корреспондента «*Journal de St. Pétersbourg*»⁸ — это произведение так и пахнет Тимашевым, даже собственные слова и выражения его есть там; я уверен, что это писано по наущению этого великого мужа; письмо это очень похоже на замечания против меня *гражданского чиновника*⁹, писанные под диктовку того же Тимашева. Кстати, отчего вы никогда не отдаете нашу *юную административную Россию* — этих графов Шуваловых, князей Паскевичевых, Тимашевых и всех флигель-адъютантов николаевского времени? Ужаснее этого народа я ничего не знаю. Эти господа вместе с бывшими воспитанниками Училища правоведения составляют, как известно, цвет и надежду нашего правительства, цвет, которого смрад более удушлив и заразителен, чем старая, выдохшаяся вонь Орловых и Паниных с братиею. Эти люди все против освобождения крестьян, все против гласности, хотя по наружности отличные ребята: пустота в сердце, пустота в голове — вот их заслуги. Граф Шувалов¹⁰, например, боясь крестьянского вопроса, бросился в акционерные компании и вместе с Игнатьевым перебили у С.-Петербургской думы проект о новом общественном освещении газом; отняли, таким образом, доход у города и роздали акции друзьям, так что в день раздачи акций никому из желающих не дали даже понюхать¹¹. Когда я был в Петербурге, об этом говорили громко, и старик Жемчужников¹² прямо называл все это дело подлостью. — Когда энтузиаст Иаков¹³ возвысился, перейдя с расчетом на сторону освободителей, граф Шувалов (обер-полицеймейстер)¹⁴ стал во главе интриги, помогавшей свергнуть Иакова и захватить дело в руки своей партии предложением, которое бы показалось еще более либеральным, с намерением, разумеется, дело потушить впоследствии, пользуясь слабостью государя. О, если б вы знали все гнусные интриги и все колебания, которым подвергался этот несчастный вопрос вначале. Теперь я ничего не знаю, что там творится, стал отрезанным ломтем; теперь я перешел в чернорабочие из-за куска хлеба, и, признаюсь вам, тоска меня душит и грызет. В Одессе, кроме фрахта да пшеницы, ничего не услышишь, никто решительно ничем не интересуется, за исключением двух-трех человек. Цензура в руках Строганова¹⁵, — без него строчки написать нельзя. Да и писать-то некогда: денденской занят, как поденщик.

Сию минуту получил 57-й и 58-й номер «Колокола» — чудесный номер! Начинаю понимать ваших немцев¹⁶, но, признаюсь, все еще думаю, что вы опрокинулись на всю западную науку за западную жизнь; вне социальной науки вы не видите другой; правда, что толку в науке, которая обезобразила общественные отношения? Но давно ли стала Европа заниматься социальными вопросами? Зато другие вопросы — личные, например, не она ли подняла и разработала? А ведь без ответа на вопрос личный не было бы вопроса общественного! Ведь вся задача в том, чтобы согласить теперь ответы на оба вопроса. На долю русских выпал второй, и тут нельзя не согласиться с неопровержимыми доводами вашими.

Опять спешу и чувствую, что говорю нескладно. Если теперь Строганов не пройма «Колокол», то, вероятно, он несокрушим¹⁷.

Посылаю вам историю убийства царевича Алексея Петровича¹⁸; вероятно, вы еще не имеете этой книги; документы необыкновенно интересные, и потому спешу послать вам эту книгу вместе с третьим томом чтений¹⁹.

Говорят, Модест Корф, будущий великий цензор, выразился недавно, что гласность есть дикий зверь, выпущенный из клетки.

Слыхали ль историю Безобразова?²⁰

В Одессе убийства и грабежи неслыханные. Лучше было бы Строганову заняться этим делом, чем цензурою.

Юрий Самарин, этот благородный труженик крестьянского вопроса, от усиленных занятий получил апоплексический удар. Теперь, говорят, оправившись несколько, возвратился опять в комитет, чтобы окончательно умереть над этим делом. Славный барин: дай бог ему побольше сил; я на него более всего надеюсь.

Будьте здоровы и благополучны. Жму ваши и Николая Платоновича руки и еще раз глубоко благодарю вас за теплый освежительный привет.

Преданный вам всем сердцем

С. Громека

В. О закрытии для «Колокола» Одесского порта не беспокойтесь: ничего не сделают. Впрочем, носят слухи, что собираются сделать набег на наши пароходы. Это, впрочем, пустяки — на привоз «Колокола» у нас не сердятся, другое дело — за переписку с «Колоколом»²¹: Ивана Федоровича Миницкого²² сильно прижали было по подозрению за доставление вам сведений; губернский предводитель Касьянов обещал публично *дойти* его; Строганов тоже начал было наседать, но я успел кое-как смягчить первые перуны; теперь обвинение ходит уже *около* меня самого; я успел их отвести на первый раз довольно удачно.

¹ Письмо это неизвестно.

² 12 ноября 1859 г. Главное управление цензуры было отделено от Министерства народного просвещения и преобразовано в особое государственное учреждение для исключительного и непосредственного заведывания цензурой. Барону М. А. Корфу было поручено представить проект нового учреждения, названного «Главным управлением книгопечатания». Однако представленный им проект царем утвержден не был, и 12 декабря 1859 г. Корф был освобожден от возложенных на него обязанностей.

Герцен использовал сообщение Громеки в передовой л. 60 «Колокола» от 1 января 1860 г. — «1860» (X, 191) и в отделе «Смесь» того же номера в заметке «Ай да Корф!» (X, 195).

³ По сообщению М. П. Драгоманова, речь идет о «письме» Громеки, ходившем по рукам среди студенческой молодежи Одессы. Громека отговаривал студентов от общественных демонстраций и выступлений, «чтобы не давать излишней горячностью повода к реакции и не утруждать работы старших поколений — „пионеров прогресса“». Письмо вызвало что-то возражение, которое также ходило по рукам, и в котором «„пионер Громека“ подвергся довольно резкому осмеянию» («Вольное слово», 1883, № 57).

⁴ В соответствующих архивных «делах» III Отделения нам не удалось отыскать следов просьбы Громеки о разрешении издавать политическую газету.

⁵ «Листок Русского общества пароходства и торговли» начал издаваться с января 1860 г. в Одессе под редакцией Громеки (выходил два раза в неделю).

⁶ Громека имеет в виду статью Герцена «Синхедрион московских университетских фарисеев» в л. 55 «Колокола» от 1 ноября 1859 г. (X, 135—142) о студенческих волнениях в Московском университете. Зло высмеяв «военно-судные наклонности» профессоров Московского университета, Герцен вместе с тем обратился к студентам с призывом «быть осторожными», беречь силы и не тратить их напрасно.

⁷ Об анонимной брошюре «Искандер-Герцен», вышедшей в 1859 г. в Берлине (типография Карла Шультце) и принадлежавшей перу оголтелого ретрограда цензора Н. В. Елагина, Герцен упоминает в письме к М. К. Рейхель от 4 ноября 1859 г. (X, 144). В л. 57-58 «Колокола» от 1 декабря 1859 г. по поводу этой книги была помещена заметка «От Искандера», в которой Герцен писал, что он отказывается отвечать «на сквернословие каких-нибудь синодальных писарей и семинарских риториков старого порядка» (X, 165).

⁸ О каком письме корреспондента «Journal de St. Pétersbourg» идет речь, установить не удалось.

⁹ В 1859 г. Громека поместил во второй январской книжке «Русского вестника» статью «Заметка на статью графа Ржевусского», вызванную выступлением генерал-адъютанта графа Ржевусского, негодовавшего на редакцию «Военного сборника» за критику военного ведомства. В защиту Ржевусского в № 80 «Русского инвалида» от 16 апреля 1859 г. появилась статья «Замечание на заметку г. Громеки...», подписанная: «Э. Г., гражданский чиновник». Ответная статья Громеки — «Ответ на замечание гражданского чиновника Э. Г.» — напечатана во второй майской книжке «Русского вестника» за 1859 г.

¹⁰ Речь идет об Андрее Павловиче *Шувалове* (1816—1876), петербургском губернском предводителе дворянства.

¹¹ Разоблачение деятельности петербургского генерал-губернатора П. Н. Игнатьева, в том числе его махинаций с акциями страхового общества (Громека сообщает о них неточно), дано в л. 64 «Колокола» от 1 марта 1860 г., в отделе под рубрикой «Из Петербурга».

¹² Михаил Николаевич *Жемчужников* (1788—1865) — член особого присутствия сената, в прошлом петербургский гражданский губернатор.

¹³ Так Герцен именовал в «Колоколе» Я. И. Ростовцева.

¹⁴ Петр Андреевич *Шувалов* (1827—1889) — петербургский обер-полицеймейстер, в дальнейшем управляющий III Отделением, а с 1865 по 1874 г. — шеф жандармов.

¹⁵ Александр Григорьевич *Строганов* (1795—1891) с 1855 по 1864 г. был новороссийским и бессарабским генерал-губернатором.

¹⁶ Громека имеет в виду статью Герцена «Русские немцы и немецкие русские», опубликованную в лл. 53, 54, 56, 57-58 и 59 «Колокола» от 1 октября — 15 декабря 1859 г. (X, 87 — 126), в которой Герцен дает уничтожающую оценку буржуазной культуры Запада и антинародной политики самодержавия, а также излагает утопические идеи «русского социализма».

¹⁷ Обличение деятельности графа Строганова (см. примеч. 15) было начато Герценом опубликованием в л. 22 «Колокола» от 1 сентября 1858 г. «Письма к графу Строганову», за присылку которого Герцен благодарил некоего «К. О.». Начиная с л. 39 от 1 апреля 1859 г., одесские материалы начинают появляться в «Колоколе» систематически.

¹⁸ Речь идет о книге Н. Г. Устрялова «История царствования Петра Великого», т. VI. «Царевич Алексей Петрович». СПб., 1859. Герцен откликнулся на эту книгу в статьях «Новости из России» — л. 71 «Колокола» от 15 мая 1860 г. (X, 313—314), в предисловии к «Запискам» И. В. Лопухина (X, 376—380) и в предисловии ко второму выпуску «Исторического сборника Вольной русской типографии» (XI, 15—19).

¹⁹ «Чтения в Императорском обществе истории и древностей российских при Московском университете», М., 1859, июль — сентябрь, кн. 3. В этой объемистой книге помещены, наряду с различными историческими документами и исследованиями, материалы о Пугачеве, об освобождении крестьян, русские народные быliny и т. п.

²⁰ Владимир Павлович *Безобразов* (1828—1889) — экономист, либеральный публицист. Вероятно, Громека имеет здесь в виду ту «историю», по поводу которой Герцен запрашивал читателей в л. 62 «Колокола» от 1 февраля 1860 г., — справедливы ли сведения о состоявшемся якобы решении Комитета министров с запрещением Безобразову печататься.

²¹ Эти слова документально подтверждают, что Громека использовал пароходы Русского акционерного общества пароходства и торговли как для транспортировки «Колокола», так и для пересылки корреспонденций.

²² Иван Федорович *Миницкий* — учитель Одесской гимназии. В списке корреспондентов «Колокола» имя Миницкого до сих пор не упоминалось (см. «Лит. наследство», т. 41-42, 1941, стр. 572—620).

2

18 апреля 1861 г.
С.-Петербург

Не знаю, насколько верен путь, которым посылаю это письмо, но теперь это последний вопрос; дело в том, что я не могу не сообщить вам, каким бы то ни было путем, тех печальных известий, которые жгут меня невыразимую болью. Не знаю, с чего начать? Варшавские дела вам известны¹. Займемся делами внутренними: вам известно², что государь разослал по всем губерниям своих флигель- и генерал-адъютантов для произведения беспорядков между народом по поводу новых крестьянских положений: адъютанты в точности исполнили приказание своего повелителя. Во всех местах, где только действуют наиболее тупоумные из этих адъютантов, действуют розги, действует войско и льется кровь. Я наверное знаю, что третьего дня посланы три новые генерал-адъютанта (вдобавок к действующим) в губернии Казанскую, Тамбовскую и еще, кажется, в Рязанскую. Эти новые посланцы снабжены полномочием вешать и расстреливать по усмотрению. В Казани явился самозванец (в Спасском уезде), выдающий себя за Александра Николаевича, гонимого дворянами. Четырнадцать деревень окопались и сражаются с войсками под знаменем этого господина. Кто он — неизвестно. Но схватки были упорные: семьдесят человек крестьян уже легли жертвою, из войска взяты

в плен крестьянами ротный командир, исправник и еще несколько мелких чинов. Как ни похоже все это на сказку, но это — истина, которая не сегодня — завтра появится в газетах. Туда поскакал уже Яфимович, специалист по части усмирения... ³ В одном месте, не знаю только, в Казанской или Тамбовской губернии, *среди толпы, в которую стреляли*, стоял крестьянин, держа обеими руками над головою манифест, — и так * до конца остался невредимым, хотя подле него валялись кучи тел ⁴.

Ну-с, что же мне теперь начать? Куда ни повернешься — везде хорошо. Пирогов уволен по телеграфу, вследствие доноса князя Васильчикова киевского в его годовом отчете государю, что Пирогов завел какой-то самосуд между гимназистами и ограничил права директоров в наказании учеников (резолюция государя: *ни с чем не сообразно и доказывает всю неосновательность попечителя!*). Впрочем, эту резолюцию и текст посылаю в литографированной копии, которые разосланы по высочайшему повелению всем губернаторам в назидание, как следует писать отчеты. Дело в том, что Пирогов, отъявленный демократ, не сошелся с княгиней Катериною Васильевною Васильчиковою, урожденною кн. Щербатовой, которая управляет киевским краем вместо мужа ⁵.

Тимашев (слушайте!), после *неоднократных* попыток уничтожить III Отделение или доказать необходимость его уничтожения, подал в отставку, уведомив кн. Долгорукова ⁶, что не может более оставаться в учреждении, которое с окончанием крестьянского вопроса становится бессмысленным. (Передаю со слов людей, выдающих все это за чистую правду.) Государь очень немилостиво отнесся к этому поступку Тимашева и велел его уволить в бессрочный отпуск, а на его место назначил графа Шувалова. Это назначение было для Шувалова неожиданным ударом; он привык беречь доброе имя, вынесенное им из весьма скользкого места петербургского обер-полицеймейстера; с другой стороны, страшно было «Колокола» и его беспощадных стрел; с третьей стороны, невозможно было и отказаться, по правилам придворной логики (Шувалов воспитывался во дворце и состоит в нем домашним человеком, хотя это не мешало ему быть до сих пор порядочным человеком). Все это заставило его написать письмо к Долгорукову и просить объяснить государю причины, почему он гнушается III Отделением. Прежде чем я приведу вам отрывки из этого письма, должен сказать, что ни государь, ни Долгоруков *до сих пор не понимали* (бедные!), что, собственно, нехорошего в III Отделении, и простодушно верили, что нерасположение это почерпнуто из «Колокола» и других революционных изданий. Чтобы рассеять это заблуждение, с одной стороны, а с другой — чтобы не рисковать самому быть зачисленным в красные, Шувалов оставлял неприкосновенною тайную полицию, а старался в письме своем разбить *«тайный суд, находящийся в руках тайной полиции»*. Вот отрывки из этого письма ⁷:

«Всякая полиция, в сущности, тайная, и не она страшна для честных людей; страшен тайный суд, право следствия и право ареста, находящиеся в руках тайной полиции. Люди, обязанные охранять спокойствие государства, всегда склонны видеть во всем опасность и преувеличивать значение каждого факта. Такова уже человеческая натура, и если подобная склонность ничем не будет умеряема и отрезвляема, если люди, обязанные подозревать всех и каждого, не только не обязаны подкреплять свои подозрения судебными доказательствами, но, напротив, имеют право при первом подозрении подвергнуть каждого аресту, то весьма естественно, что они легче других людей могут впадать в ошибки и несправедливость. Если же от этих самых людей будут зависеть допрос подо-

* Слова и так Герценом для публикации в «Колоколе» зачеркнуты; сверху написано им: в народе разнесся слух, что он

зреваемых и представление заключений по допросам, то уже нет никакой надежды к исправлению их *ошибок и увлечений* и для невинно заключенного исчезнет всякая возможность правильной защиты. Вот почему при имени III Отделения всякий чувствует невольный трепет и смущение... Страшно в нем не то, что оно делает, а то, что оно *может* сделать. А может оно во всякую минуту вторгнуться в каждый дом и семейство, схватить оттуда какую угодно жертву и заключить в каземат, извлечь из этой жертвы какое угодно признание, не прибегая к пытке, и потом может представить государю все дело в таком виде, в каком пожелает...

Ваше сиятельство! Такое точно учреждение, но только под другим названием, оставило по себе страшные воспоминания в истории католического Запада и у нас во время Бирона. Это же самое учреждение недавно оттолкнуло неаполитанцев от любви к своему законному государю. Оно же прославилось во времена кроткой и мудрой Екатерины II именем Шешковского. Вот почему Александр Благословенный тотчас по вступлении на престол издал манифест об уничтожении тайной канцелярии и о предании самой памяти ее вечному забвению... В прошедшем году государь повелел отделить судебную власть от земских и градских полиций. Если эта власть оказалась вредною в руках обыкновенной полиции, то оставлять ее далее в руках тайной полиции было бы совершенно несправедливо, особенно теперь, когда крестьянский вопрос решен.

Я колеблюсь вступить в III Отделение не потому только, что желал бы сберечь собственное мое имя от неминуемых клевет и оскорблений; мне дорога слава имени моего государя, за каждым шагом которого история следит теперь с любовью. И потому я счел бы себя преступным, если бы скрыл от него, прежде чем вступить в III Отделение, ту тень, которая неотступно следует за этим учреждением и которая так хорошо знакома всему человечеству из истории таких же учреждений в других государствах, что с моей стороны было бы крайним заблуждением надеяться закрыть эту тень мою личностью или смыть ее моими действиями...

В заключение Шувалов предложил: 1) отделить от тайной полиции судебную власть и право производства следствий и передать их в руки обыкновенных судов и судебных следователей; 2) все полиции соединить в одно управление, подведомственное министру внутренних дел. (Этим косвенно он хотел уничтожить и тайную полицию, не нападая на нее открыто.)

Письмо это было прочтено государем и... воспоследовало следующее восклицание: «Кто же мне будет сообщать о революционном направлении, повсюду теперь распространяющемся, направлении, которому поддалось само Министерство внутренних дел!..»

Я сообщаю вам эти факты, собственно, для того, чтобы вы пощадили Шувалова, который, быть может, современем и успеет еще сделать что-нибудь доброе. Печатать же эти факты остерегитесь, потому что этим выдадите меня — единственного человека, кому они могли быть известны. Я уверен, что вы не припишете эти просьбы моей личной трусости. Я бы сейчас уехал вон отсюда, если бы не семеро детей.

Месяц тому назад Шувалов затащил меня в Министерство внутренних дел. Я согласился тем более, что крестьянский вопрос окончился с честью для правительства, и потому, наконец, что это единственное министерство, где можно было сделать что-нибудь. Теперь вообразите мое отчаяние. Шувалов попал в Тимашевку; Милютин⁸ попал опять в немилость; Ланской на днях будет уволен с графским достоинством, а на его место сядет *Муравьев вегающий!!!* На святую готовится, кроме того, какой-то громовой удар. Александр Николаевич рассвирепел по поводу польских и казанских дел⁹ и хочет ужаснуть чем-то всю публику и весь мир. Это настроение известно мне из верных источников, и оно разрешится на второй

1	Иван Милославский	12. 18. 81
2	Иван Милославский	12. 18. 81
3	Иван Милославский	12. 18. 81
4	Иван Милославский	12. 18. 81
5	Иван Милославский	12. 18. 81
6	Иван Милославский	12. 18. 81
7	Иван Милославский	12. 18. 81
8	Иван Милославский	12. 18. 81
9	Иван Милославский	12. 18. 81
10	Иван Милославский	12. 18. 81
11	Иван Милославский	12. 18. 81
12	Иван Милославский	12. 18. 81
13	Иван Милославский	12. 18. 81
14	Иван Милославский	12. 18. 81
15	Иван Милославский	12. 18. 81
16	Иван Милославский	12. 18. 81
17	Иван Милославский	12. 18. 81
18	Иван Милославский	12. 18. 81
19	Иван Милославский	12. 18. 81

Список крестьян, погибших при усмирении волнений
в селе бездна. Составлен в апреле—мае 1861 г.
Находится в «Деле спасного уездного исправника». Заглавный лист и первая страница списки
Музей Татарской АССР, Казань

СПИСОК КРЕСТЬЯН, ПОГИБШИХ ПРИ УСМИРЕНИИ ВОЛНЕНИЙ В СЕЛЕ БЕЗДНА.
СОСТАВЛЕН В АПРЕЛЕ—МАЕ 1861 Г.

Находится в «Деле спасного уездного исправника». Заглавный лист и первая страница списки

Музей Татарской АССР, Казань

день Пасхи. Вообще такой сильной реакции никогда еще не было. Воздух становится красен. Тяжкий отчет дадут наши аристократы, снова завладевшие умом и волею слепого барина. Жму вашу благородную руку, на нее только и надежда.

Получили ли вы мои портреты, переданные чрез Савича? ¹⁰ Жду в отплату ваших. Будьте здоровы и благополучны. Слыхал про обед ваш и соединение с поляками ¹¹. Повторяю, нет у нас другой надежды, кроме вас.

Если путь, которым посылаю это письмо, окажется благополучным, то постараюсь пользоваться им постоянно. Еще раз прошу вас, дорогой Александр Иванович, поберегите до времени Шувалова, пока он подает надежду, но когда он изменит этим надеждам, что очень возможно со стороны придворных людей, я первый восстану против него. Теперь же я еще надеюсь на него, потому что он боится и уважает общественное мнение, т. е. вас. Я только потому и заступаюсь за него, что он самым искренним образом восставал до сих пор против Тимашевки и цензуры.

Весь ваш С. Г р о м е к а

¹ Громека имеет в виду расстрел демонстрантов в Варшаве 8/20 апреля 1861 г. Демонстрация протестовала против закрытия Земледельческого общества. Было убито и ранено несколько сот человек. Герцен откликнулся на это событие статьей «*Mater dolorosa*», появившейся в л. 97 «Колокола» от 1 мая 1861 г. (XI, 82—83).

² Начиная со слов «Вам известно...» и кончая словами «хотя подле него валялись кучи тел», текст письма с некоторыми изменениями напечатан Герценом в передовой статье «Колокола» — «Русская кровь льется!» (л. 98-99 от 15 мая 1861 г.). Громека первым сообщил Герцену о восстании в Бездне. Официальное сообщение о безднских событиях было опубликовано в «С.-Петербургских ведомостях» только 19 мая 1861 г., т. е. позднее, чем статья в «Колоколе».

³ В связи с крестьянскими волнениями, охватившими после объявления Положений смежные уезды Пензенской и Тамбовской губерний, Александр II командировал в помощь ранее действовавшим там генерал-майору А. М. Дренякину и генерал-майору барону Ф. Ф. Винценгероде генерал-адъютанта Н. М. Яфимовича.

⁴ Восстанием крестьян в Казанской губернии руководил крестьянин с. Бездна Спасского уезда Антон Петров. Выдавая себя за царского посланника (а не царя), он по-своему толковал крестьянам смысл Положений, объявляя всю землю крестьянской, и призывал их ни в чем не подчиняться помещикам. 12 апреля свитский генерал гр. Апраксин прибыл в с. Бездну, где собралось более десяти тысяч крестьян, и после отказа их выдать Антона Петрова расстрелял крестьянскую толпу. Александр II одобрил действия Апраксина и предопределил решение суда над Петровым. Петров был расстрелян 19 апреля 1861 г.

⁵ Крупнейший русский хирург и педагог Н. И. Пирогов был с 1856 по 1861 г. попечителем сначала Одесского, а затем Киевского учебного округа. Он обратился к этого рода деятельности, считая своим долгом способствовать перестройке всей системы народного образования в России на принципах демократизма. Его прогрессивная деятельность вызвала упорное сопротивление и ненависть в реакционных кругах. Донос киевского генерал-губернатора И. И. Васильчикова ускорил неизбежную отставку Пирогова. Сообщенный Громекой материал использован Герценом в «Колоколе», в статье «Киевский университет и Н. И. Пирогов» («Колокол», л. 100 от 1 июня 1861 г.). Герцен писал в этой статье, что «отставка Н. И. Пирогова — один из мерзвейших дел России дураков против Руси развивающейся» (XI, 104).

⁶ Василий Андреевич Долгоруков (1804—1868) — с 1856 по 1866 г. шеф жан-дармов и главный начальник III Отделения.

⁷ Как видно из следующего публикуемого письма Громеки Герцену от 11 мая 1861 г., текст письма Шувалова, незадолго до того назначенного на пост управляющего III Отделением, к Долгорукову написан для Шувалова самим Громекой и сообщен им Герцену с согласия Шувалова. Герцен откликнулся на сообщение Громеки об отставке Тимашева и назначении на его место Шувалова заметкой в «Колоколе» л. 98-99 от 15 мая 1861 г.: «Buona notte, buona notte»* (XI, 100).

⁸ Николай Алексеевич Милютин (1818—1872) был с 1859 г. товарищем министра внутренних дел. Уволен в отставку вместе с Ланским в апреле 1861 г. в связи с общим усилением реакционного курса правительства.

⁹ Казанские дела — события в селе Бездна.

* «Доброй ночи, доброй ночи» (итал.).

¹⁰ Алексей Николаевич *Савич* (1810—1883) — известный русский астроном, университетский товарищ Герцена, участник герценовского студенческого кружка.

¹¹ 10 апреля 1861 г. Герцен устроил обед в честь «начала освобождения крестьян». Однако празднование совпало с получением известия о расстреле демонстрации в Варшаве. Герцен не произнес заготовленной заранее речи, а вместо того заявил на обеде о своей солидарности с поляками. Текст речи, оставшийся до сих пор неизвестным, обнаружен в «пражской коллекции». См. об этом в следующем томе «Лит. наследства».

3

11-е мая 1861 г. С.-Петербург

Сейчас я читал, перечитывал и опять читал вашего *«Роберта Оуэна»* — и глаза мои до сих пор полны слез восхищения и гордости, что такая статья написана по-русски ¹. Я начинаю подозревать, что вы не человек: люди обыкновенно имеют привычку *стареть*, вы же постоянно *молодеете*, и ни годы, ни испытания, ни тоска по вашей рабствующей родине не действуют на вас. Так смело взглянуть в лицо истине, так ярко и метко схватить ее черты — и при этом столько любви и страсти — это выше всяких выражений. У меня нет слов благодарить судьбу за утешение, ниспосланное мне этой статьей в ту самую минуту, когда сердце разрывается на части от убийств, все в больших и больших размерах совершаемых нашим *благодущным* царем.

Простите мне это признание. Я знаю, как оно глупо, я знаю, что такие похвалы неприятнее нападок. Но вы сами сказали, что таких людей, как вы, *нечего щадить*.

Отрадно было вздохнуть на вашей статье. Утешительно думать, что у нас в Лондоне *свой король есть*. И когда б вы знали, как бояться этого короля наши цари и царьки! Еще недавно Александр Николаевич, получив «Колокол» в присутствии гр. Шувалова, сказал ему *со вздохом*: «Вот что более всего *вредит нам!*». Еще бы! И этот человек, с гордостью и упрямством разрешающий и приказывающий убийства, вздыхает от «Колокола»!

С прошлою почтою я передал вам через других (самому писать было некогда) о подвигах *коломенского* предводителя *Скорнякова* ². Вы знаете также о боине, произведенной Апраксиным в Казанской губернии, но вы еще не знаете, до какого *благодущия* дошел наш Александр II. Известия, которые он получал отовсюду о действиях своих адъютантов, были таковы, что самые близкие к нему люди уверены были, что Апраксину не сдобровать. А он — ангел! — повесил Апраксину Владимира на шею, вместо того, чтобы его самого повесить ³. Сотрудника же Апраксина — спасского предводителя *Молоствова* пожаловал двумя наградами: орденом и чином (несмотря даже на то, что он в отставке: нарушение военных приличий неслыханное!) ⁴.

Недурен также следующий поступок его. Вы, вероятно, слышали, что я, стесненный голодом, вынужден был поступить на службу и поступил (после крестьянской реформы) в Министерство внутренних дел. Первая бумага, которую мне довелось составлять к докладу царю, была по следующему поводу: виленский генерал-губернатор Назимов жаловался на предводителей дворянства: виленского — *графа Тишкевича* и белостокского — *Саковича*, что они ведут себя неприлично в политическом отношении: Тишкевич заказал обед на 1500 человек *простолюдинов* к светлому празднику, а жена его принимала участие в подписке в пользу семей убитых в Варшаве. За это Назимов выслал графа и его жену в деревню под полицейский надзор и просил, чтобы его удалить от службы (а также и Саковича, который присутствовал при панихиде в память варшавских убиенных).

Доклад составлен был мною в следующем виде: «Такой-то Назимов поступил так-то и просил о том-то. Представляя о сем, министр считает

долгом доложить, что: *по закону предводители увольняются не иначе, как по суду и с разрешения Сената*. Доклад был возвращен ко мне со следующей отметкою министра Ланского (это был последний его доклад): «Государь приказал исполнить согласно ходатайству Назимова», т. е. уволить, против закона*.

Мною получены сведения из губерний, где производились *кровапролития*, что там крестьяне собираются перебить бояр и начальных людей. Sic!

Кстати, о Шувалове: с тех пор, как он перешел в III Отделение, я его не видал и ничего не знаю, что он намерен делать. Очень может быть, что теперь и вправду не время уговаривать *Сашу*⁵ об уничтожении тайной полиции, а может быть Шувалов уже и примирился с своим положением и таинственною властью, что я ему предсказывал. Но когда он шел туда, он очень искренно боялся «Колокола» и от чистого сердца благодарил меня за письмо, из которого отрывки я уже сообщил вам. Правда, у него не хватило духу адресовать это письмо прямо государю, как это было условлено сначала (он адресовал его к кн. Долгорукому, который, однако, прочитал его государю), но кто же от этих господ станет требовать гражданского мужества? Убить и расстрелять двести крестьян у них всегда достанет духу, а сказать правду в глаза человеку **

¹ «Роберт Оуэн» — один из очерков, вошедших в «Былое и думы». Напечатан в шестой книге «Полярной звезды на 1861 год», вышедшей около 15 марта 1861 г.

² Корреспонденция о коломенском предводителе Скорнякове напечатана Герценом в л. 110 «Колокола» от 1 ноября 1861 г. в статье «К делу о прикреплении крестьян к свободе».

³ О награждении Александром II С. Ф. Апраксина за его действия по подавлению бездненского восстания сообщалось в «Колоколе», л. 102 от 1 июля 1861 г., вероятно после полученных дополнительных сведений.

⁴ Сообщение Громеки о Молодцовове напечатано в «Колоколе», л. 101 от 15 июня 1861 г., в обзоре писем о «подробностях Казанского дела».

⁵ Александра II.

4

20 мая 1861. Петербург

Изнывая под тяжестью кровавых известий и разрушенных надежд, я перечитываю вашу книгу «За пять лет», и она подкрепляет мои силы. Года два тому назад я еще не так понимал вас, как следует, и слова ваши не так глубоко ложились на сердце, как теперь. Уроженец Малороссии, я мало интересовался общинным вопросом и крепко стоял за личность, хотя чувствовал, что на вашей стороне сила правды. Но в течение последнего года я пережил перелом и отошел от «Русского вестника», хотя очень люблю Каткова как человека. Не мог я пристать к «Современнику», потому что не нахожу ничего симпатического в нем и даже, — признаюсь откровенно, — он меня отталкивает своим безотрадным неверием в людей, своим отсутствием любви и эгоизмом. Я поселился в «Отечественных записках» как на плоскости, ничем не занятой и пустынной. Впрочем, и тут я, по всей вероятности, временный гость, потому что никогда не простираю претензии на звание писателя и нисколько к нему не приготовлен. Всю жизнь я был человеком дела и схватился за слово только тогда, когда казалось возможным высказать его. Теперь и эта возможность исчезла. Теперь пора бы приняться за дело, но как, с кем, за какое дело? *** Где те проснувшиеся силы, где та *дикая дерзость*, замыслов и надежд,

* Далее густо зачеркнуты две строки.

** Конец письма не сохранился.—Ред.

*** Дела, пожалуй, много, но с завязанным ртом и связанными руками — плохо как-то делается. — *Примеч. Громеки.*

МОГИЛА АНТОНА ПЕТРОВА *
В СЕЛЕ АНТОНОВКЕ КУПЫ-
ШЕВСКОГО РАЙОНА ТАТАРСКОЙ
АССР (РАНЕЕ СЕЛО БЕЗДНА
СПАСКОГО УЕЗДА КАЗАНСКОЙ
ГУБЕРНИИ)

Фотография, 1920-е гг.

Музей Татарской АССР, Казань

о которых вы говорили в пятом письме («Россия и Польша»)?¹ Вот мы подошли к берегу: крестьянский вопрос решен, христолубивое воинство стреляет и сечет крестьян точно так, как стреляло и секло при Николае. Весь берег залит кровью, слезами, разрушенными надеждами, а мы молчим или занимаемся сплетнями и скандалчиками. Немного только нажала правительственная рука — и мы присмирели и разошлись в разные стороны, как будто так много сделали, что пора на отдых...

Я читал ваше доброе письмо к Андрею Н**², в котором вы не одобряете *наши* замыслов перебраться к вам. Боже мой, сколько у вас любви к людям! Откуда вы берете ее, как стаёт вас на всё и для всех? А посмотрите, что у нас делается: кружки, сплетни, вражда друг к другу, как будто вся литература из иноплеменников, как будто ей нечего любить сообща, не с кем бороться соединенными силами!

Я часто повторял вам в письмах моих, что у нас одна только надежда — на вас. Это не фраза. Если бы вы были среди нас — вы были бы русским Гарибальди, а теперь нам остается читать ваше евангелие и ждать, пока вы расшевелите нас. Мне кажется, что вы уж много занимаетесь правительством и чересчур мало — нами. Нас нужно подгонять — мы привыкли к этому. А на правительство надежды нет никакой: оно окончательно свихнуло с ума.

Ужас обнимает меня, когда подумаю, что мы так еще слабы и разрозненны, так далеки от энергической оппозиции, что еще два-три нажатия — и мы опять утешимся и погрузимся опять в мелкие сплетни и словопренения. А вы, стоя далеко, полны таких надежд, такой силы, такой всеобъемлющей любви и ненависти! Скажите: где же у нас хоть капля такой силы? Чернышевский, который несколько времени тому назад (а для многих и теперь) считался апостолом среди молодежи, он, человек несомненной честности, — что он сделал, чтобы вдохновить молодежь? Он

проповедует открыто, что все люди мошенники и эгоисты; он говорит, что сам себе не верит и никому не советует доверять ему денег — какое единство, какую силу может вдохнуть такое учение? Катков — человек благородный, талантливый и горячий, но неисправим в своем западничестве. Костомаров мог бы быть центром для нас, но предался науке, одной науке. Кавелин совсем отбилсЯ да и понес ужасную потерю, после которой не скоро оправится. Где же собираться, где отвести душу, где подкрепить силы и надежды? Одна надежда на вас — на вашу неистощимую энергию, на ваши неслабеющие громы, на вашу вечно юную, вечно свежую любовь и веру в Россию.

Простите мне эти новые излияния. Мне так тяжело в моем одиночестве, в моем бессилии, в моей тяжелой обстановке: с одной стороны, семеро детей и жена в нужде, с другой — подлая необходимость ходить ежедневно в департамент и писать глупейшие бумаги, с третьей — кровь и стоны, с четвертой — литературные дразги... Так бы и кинулся в первый омут, в первый водоворот.

Посудите сами: Шапов, казанский профессор, сказал студентам горячее слово и требовал панихиды по убиенным мученикам Спасского уезда. Его велели схватить (и как подло схватили: услали в командировку и захватили на первой станции — боялись взять в Казани)*³

¹ „Россия и Польша“. Ответы статьям, напечатанным в „Przegląd Rzeczy Polskich“. Вошло в сборник «За пять лет» (1855—1860). Политические и социальные статьи Искандера и Н. Огарева. Часть первая Искандера. London, 1860, стр. 109—192.

² Речь идет об Андрее Ивановиче Ничипоренко (см. о нем на стр. 27—28 и 30 настоящего тома). Письмо к нему Герцена неизвестно.

³ О панихиде в Казани в связи с расстрелом крестьян в селе Бездна было сообщено в л. 100 «Колокола» от 1 июня 1861 г. Получив более подробные сведения, редакция «Колокола» в следующем номере, в обзоре писем о «Подробностях казанского дела», сообщала о выступлении Шапова и его аресте. История ареста Шапова сообщается Громекой неточно (был арестован не «на первой станции» от Казани, а в Нижнем-Новгороде).